

·thebigbook·

КНИГИ
ДИНА КУНЦА

КРАЕМ ГЛАЗА
ИССТУПЛЕНИЕ. СКОРОСТЬ
ТИХИЙ УГОЛОК
ТЕМНЫЕ РЕКИ СЕРДЦА
ФАНТОМЫ
КОМНАТА ШЕПОТОВ
НЕХОРОШЕЕ МЕСТО
ПРИ СВЕТЕ ЛУНЫ
ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫЖИВШИЙ
ПОЛНОЧЬ
АНГЕЛЫ-ХРАНИТЕЛИ
МИСТЕРИУМ
ЧУЖИЕ
ТАМ, ГДЕ НАС НЕТ

ДИН КУНЦ

ТАМ,
ГДЕ НАС НЕТ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 91

Dean Koontz
ELSEWHERE

Copyright © 2020 by the Koontz Living Trust
This edition published by arrangement with InkWell Management LLC
and Synopsis Literary Agency
All rights reserved

Перевод с английского Андрея Полошака

Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-19746-6

© А. С. Полошак, перевод, 2022
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается Ричарду Пайну и Ким Уизерспун,
а также
Ким Уизерспун и Ричарду Пайну.
Познакомься я с ними раньше,
они удержали бы меня
от множества глупых поступков*

Не счесть миров и дел не счесть,
не счесть твоих ролей.

Альфред Теннисон

В тиши ночной явился гость

Дверь ему не нужна, и до включенной сигнализации ему тоже нет дела. Гость входит в библиотеку в три часа ночи, издавая шума не больше, чем здешние призраки — что из пьес Шекспира, что из рассказов Расселла Керка. В проходах между стеллажами пусто. Все укромные уголки неоглядного зала окутаны тьмой. Библиотекари давно разбрелись по домам и спят в своих постелях. Уборщица ушла час назад. В воздухе пахнет чистящим средством с ароматом сосновых иголок, полиролью для дерева и лежалой бумагой.

По этому лабиринту знаний не рыщет страж-минотавр, но гостю все равно не по себе. Многие сочтут библиотеку убежищем от мирской суеты. Многие, но не гость. Он повидал немало жутких вещей, от которых волосы встают дыбом. Ему известно, что на свете не бывает безопасных мест.

Такие, как он, — знатоки не одной, но множества историй — нередко принимают смерть среди книг. Библиотекари и прочие апологеты письменного слова не раз получали пулю или нож в спину, их сжигали заживо или загоняли в концлагеря, где морили пытками и непосильным трудом. В библиотеках небезопасно, ибо на здешних полках не только книги, но и идеи — о справедливости, свободе, истине, вере и многом другом. Некоторые считают

эти идеи крамольными. В любой политической фракции есть свои книгосжигатели. Им известно, где раздобыть топливо, когда настанет их звездный час.

Ночной гость знает этот городок под названием Суавидад-Бич, знает во всех его проявлениях, но не уверен, что найдет здесь то, что ищет. Прибыв сюда напрямик из другой библиотеки, он первым делом включает фонарик. Прикрывает свет ладонью, чтобы луч не доставал до окон под потолком, идет в компьютерный уголок, садится за клавиатуру.

Открывает браузер, идет на «Фейсбук», находит нужную страницу. На ней забавные посты Джеффри Колтрейна и его одиннадцатилетней дочери Эмити, но жена Мишель ничего не пишет. Еще на странице есть фотографии Джеффри и Эмити, но нет ни одного снимка Мишель. Как будто она давно умерла, думает гость, волнуясь все сильнее.

Идут минуты. Негромко тикают часы на стене огромного зала. Гость роется в общественных архивах Суавидад-Бич — ищет запись о смерти этой женщины, но не находит.

Находит, однако, другую запись: цифровое заявление, поданное в муниципальный суд Суавидад-Бич. Джеффри Колтрейн желает расторгнуть брак с Мишель. Он не видел жену уже больше семи лет. Ничего о ней не слышал, но не просит, чтобы Мишель признали умершей. Он хочет лишь освободиться от уз брака. Джеффри из тех, кто до самого конца надеется на лучшее. Его заявление красноречиво, исполнено глубокой печали и в то же время дышит неизбывным оптимизмом.

Разумеется, надежды Джеффри наивны. Гость повидал немало мертвецов. Не раз бывал свидетелем жесточайшей бойни. В нынешнем случае сомнений нет: Мишель

мертва. Ее смерть — одновременно и трагедия, и повод для ликования.

Гость выключает компьютер. Какое-то время сидит в темноте. Размышляет о жизни, смерти и о том риске, на который идет человек, вознамерившийся обвести судьбу вокруг пальца.

В десять минут пятого гость выходит из библиотеки — тем же путем, что пришел. Дверь ему не нужна, и до включенной сигнализации ему тоже нет дела.

Начинается одиннадцатый день апреля.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КЛЮЧ КЛЮЧЕЙ

1

Иногда — в безоблачные ночи, когда луна плыла к западу, оставляя на черных водах океана россыпь мерцающих огоньков, а воздух был так чист, что далекие звезды светили чуть ли не ярче Венеры, и над планетой нависали бесчисленные галактики, — зачарованный Джеффи Колтрейн был уверен, что вот-вот случится чудо. Он был трудолюбивым человеком, долгов не имел, но слыл мечтателем. В тот дивный вечер, в среду, в одиннадцатый день апреля, воздух был напитан ароматом чуда с легкими нотками неожиданной беды.

Был отлив. Поужинав в любимом кафе, Джеффри и его одиннадцатилетняя дочь Эмити сняли кроссовки и носки, закатали джинсы, вошли в воду и направились к гладким от вечного прибоя скалам на севере от центра Суавидад-Бич, что в Калифорнии. Сели рядом, подтянув ноги к груди, обняв колени, глядя на запад — туда, где Дальний Восток, где в тысячах миль отсюда Япония, где тоже вечер, только завтрашний.

— Не планета, а машина времени, — сказала Эмити.

— То есть?

— Часть мира в прошлом, часть — в будущем, а в Японии сейчас завтрашний вечер.

— Может, тебе рвануть в Токио? Пожить там с месяцок. Каждый день звонить мне и рассказывать о результатах завтрашних скачек на ипподроме Санта-Анита.

— Ага, — сказала она. — Так не бывает. Иначе все жульничали бы на скачках. И безумно разбогатели бы.

— Или скачек не было бы вовсе. Представь: ипподромы закроются, а твои любимые лошадки останутся без работы.

— Ты знаешь, каково это.

— Что именно?

— Никогда не жульничать. Проще всего всегда поступать по-честному.

— Ты же не сама выдумала эту фразу? Где-то подслушала, верно?

— Скажем так: мне хорошенько заморочили голову.

— Отцы не морочат детям голову.

— Да ну? Что еще скажешь?

— Нет, правда. Я не очень-то люблю морочить людям голову. Вот припудрить мозги — другое дело.

— А разница?

— Иной раз, когда тебе пудрят мозги, ты этого даже не замечаешь.

— Все я замечаю, — сказала Эмити. — У тебя что ни слово, то пудра для мозгов.

— Угнетенная ты моя.

— А куда деваться? — вздохнула она.

Джеффи с улыбкой покачал головой. Его, мечтателя, часто посещало предчувствие чуда. А чудо тем временем случилось одиннадцать лет назад. Чудо по имени Эмити.

Со стороны океана дул легкий ветерок. Тянуло солью, а еще — Джеффи верил, более того, он знал — экзотическими ароматами далеких стран, такими тонкими, что обоняние их не улавливало. Скорее, угадывало.

— Значит, это был правильный выбор? — спросила, помолчав, Эмити. — Ждать семь лет?

— Семь лет поддерживать пламя надежды? Да. Надежда — всегда правильный выбор.

- А ждать еще семь лет — это что, неправильно?
- Я никогда не перестану надеяться, милая. Но в конце концов пора перелистнуть эту страницу.

Семь лет назад, когда Эмити было четыре, Мишель ушла. Сказала, что в душе у нее пусто. Что вся ее жизнь сложилась не так, как надо. Ей нужно было направить свою судьбу в нужное русло, а потом уже вернуться к мужу и дочери.

С тех пор о ней ничего не слышали.

Как и Джеффи, Мишель Джеймисон родилась и выросла в солнечном Суавидад-Бич. Наверное, чувство, что жизнь идет не так, как надо, зародилось в душе Мишель, когда ее мать умерла при родах.

Двадцать два года спустя, сразу после рождения Эмити, отец Мишель — контролер энергетической компании — проверял трансформатор в катакомбах и погиб от удара током.

С тех пор день рождения Эмити всегда напоминал Мишель о смерти отца (его она очень любила) и матери (ведь та тоже умерла в день рождения, только не Эмити, а самой Мишель). Жена Джеффи не была пессимисткой, не страдала от депрессии — совсем наоборот, любила пошутить и лучилась жизненной энергией. Но иногда ей казалось, что родной город населен призраками, что прошлое давит на плечи тяжелым грузом и, чтобы избавиться от этого чувства, нужно уехать отсюда.

Вот она и уехала, чтобы найти себя. Похоже, так и не нашла.

Джеффи пробовал ее отыскать, но его старания ни к чему не привели. Частный сыщик, которого он нанял семь лет назад, лишь развел руками — так же как и сыщик, нанятый в прошлом году. Если целеустремленная женщина решила изменить свою жизнь, она способна

запутать следы, и поиски потребуют серьезных ресурсов, а их у Джеффи не было. Мишель — не знавшая матери, потерявшая отца после рождения Эмити, утратившая веру в свою мечту (она мечтала профессионально заниматься музыкой) — оказалась очень ранимой. Раньше Джеффи даже не представлял насколько. Корил себя за черствость и постоянно думал, что нельзя было ее отпускать.

Мишель пропала уже давно. По закону суд мог признать ее умершей, но Джеффи не решался на этот мрачный шаг. Отказывался верить, что Мишель мертва. Надеялся, что она живет новой, счастливой жизнью. А раз надеялся, значит так оно и должно быть. Надежда — мощная штука. Поэтому Джеффи рискнул лишь расторгнуть брак.

На этой неделе его заявление наконец рассмотрели и одобрили.

Не сказать чтобы в свои тридцать четыре года он собирался начать жизнь с чистого листа. Он просто восстанавливал силы. И по-прежнему не снимал обручального кольца.

Ленивые волны омывали скалу, где сидели они с дочерью, а с пляжа доносился шепот прибоя, словно океан рассказывал берегу свои секреты.

— Что, если мама однажды вернется? Снова женишься на ней?

Они давно смирились с этой утратой. Не чувствовали ни горя, ни обиды. Когда речь заходила о Мишель, обоих накрывала сладкая тоска, присоленная ностальгией: они думали не о том, что случилось, а о том, что могло бы произойти. Правильно говорят: время — лучший лекарь. Шрам останется навсегда, но теперь можно коснуться его, не опасаясь, что от боли перехватит дыхание.

— Не уверен, что мама снова выйдет за меня, милая. Ей нужен был другой муж, не я.

— Знаешь что? На твой счет она ошибалась.

— Не факт. Мы оба мечтатели, но мечтали о разном. Она — о реальных вещах. Хотела стать автором-исполнителем, записывать собственные песни, сделать карьеру в музыке. Я же... Я мечтаю оказаться в тридцатых годах прошлого века, побывать на концерте Бенни Гудмана в Манхэттен-рум гостиницы «Пенсильвания» в Нью-Йорке. Или в мирах, которых не было и не будет, мирах Толкина и Хайнлайна. Я люблю биг-бенды и хоббитов. Меня хлебом не корми, дай поглазеть на чудеса. Твоя мама... она умела сотворить собственное чудо. Прекрасную музыку. Я обожал ее песни, высоко их ценил, но ей нужна была настоящая аудитория. Побольше, чем один человек.

— На твой счет она ошибалась, — повторила Эмити обезоруживающим тоном.

Она не сердилась, но говорила на редкость убедительно.

На самом деле Мишель ошибалась лишь в одном: что найдет смысл жизни ценой расставания с семьей. Само существование Эмити оправдывало жизнь ее родителей на все сто. Джеффи не стал говорить об этом дочери. Он неплохо знал ее, да и себя тоже, и понимал, чем закончится такой разговор. Не стоит портить послевкусие от прекрасного ужина и доводить дело до слез. На звезды и море лучше смотреть сухими глазами.

— Покажи Большой Ковш, — попросила Эмити.

— Его еще называют Большой Медведицей. — Он обнял дочь, обвел глазами небо, нашел ручку ковша, указал на нее пальцем, очертил все созвездие. — В начале времен этим ковшом зачерпывали другие звезды, чтобы разбросать их по небу.

Через несколько минут они вернулись на берег, сели на камень и обулись.

До дома было полчаса ходьбы. Вечер выдался теплый, путь лежал мимо витрин магазинов и художественных галерей, и чего там только не было, в этих витринах. Джеффи всегда считал, что опоздал родиться, и поэтому не без удивления рассматривал так называемое «высокое искусство» нынешней никчемной эпохи.

Первый из семи домов в переулке Тенистого Ущелья, что пересекается с улицей Полых Дубов, был исполнен в викторианском стиле и походил на свадебный торт: с двумя башенками, покато́й крышей и слуховыми окошечками. На оконных рамах богатые резные наличники, а вокруг — вековые дубы. Дом принадлежал Боннерам: Марти и Дорис. Милые люди и вовсе не такие претенциозные, как их жилище. Они уехали в отпуск, а ключ оставили Джеффи.

Их с Эмити дом был одноэтажным. Кровля шиферная, стены из местного песчаника. Их сложил сам Джеффи: отец у него был каменщик. Янтарные лампочки в кракелюрных плафонах заливали веранду теплым узорчатым светом. Верхушки пальм, седые от лунного сияния, перешептывались с соседками, а легкий бриз подсказывал им темы для разговора.

На веранде стояли два кресла-качалки. Одно было занято.

— Дядя Страшила, — сказала Эмити.

Человек, которого Эмити назвала «дядя Страшила», представлялся как Эд. Просто Эд, без фамилии. Он был бездомный. Жил в лагере неподалеку от переуллка, там, где заканчивался асфальт и начинался лес. Появился здесь где-то с год назад и приходил в гости как минимум дважды в месяц, всякий раз без приглашения.

Джеффи его не боялся. Ведь сам он крепкий рослый парень, шесть футов два дюйма, тридцать четыре года, вполне себе в форме, а Эд старше его лет на тридцать, ниже дюймов на шесть, а форма у него как у глины для детских поделок. Старик был эксцентричный (хотя психом не назовешь), но никогда не проявлял ни малейшей агрессии.

Тем не менее Джеффи сказал «Добрый вечер, Эд» и тут же препроводил Эмити в дом. Дождался, пока она замкнет дверь и включит свет в прихожей, после чего уселся во второе кресло-качалку. Гость заранее подвинул его так, чтобы оба сидящих на веранде смотрели друг на друга. Джеффи никогда не оставлял Эмити одну дома и всегда брал ее с собой — в наше-то время. Не только из-за Эда. Сказать по правде, вовсе не из-за Эда.

Калифорния переживала не лучшие времена. Популяция бездомных — по большей части психопатов и наркоманов — росла в геометрической прогрессии. Взяточники-политиканы плевать хотели на интересы местных жи-

телей. Заботились лишь о том, как бы сохранить власть, продавить собственную идеологию и потратить миллиарды долларов на решение проблемы с бездомными, тем самым набивая карманы своих друзей, в то время как бродяг становилось все больше.

Когда их лагерь разрастался, власти, озаботившись вопросами здравоохранения и общественной безопасности, начинали принимать меры, то есть изгонять людей с палатками и спальными мешками за пределы Суавидад-Бич, в лесополосу, чтобы разделить один большой лагерь на несколько маленьких, расположенных подальше друг от друга и не привлекающих к себе лишнего внимания.

Эд был взъерошен и небрит, но разительно отличался от других бедолаг, оказавшихся без крыши над головой. Зубы у него были здоровые, улыбка сверкающая, и еще от него не воняло, ведь Эд ежедневно ходил в город, чтобы принять душ и постираться в бесплатной прачечной, общественной или церковной. Вместо бесформенного спортивного костюма, мешковатых джинсов и толстовки с кашпоном он всегда носил слаксы с аккуратно заправленной в них рубашкой, пиджак свободного покроя и галстук-бабочку. Сегодня вечером на нем была клетчатая рубашка и бабочка в горошек. Смелое сочетание. С другой стороны, вряд ли Эд попадет на глаза людям, искушенным в вопросах стиля. Никто не изогнет бровь и не отпустит в его адрес какую-нибудь колкость.

Эд утверждал, что не употребляет спиртного, разве что балует себя изысканным каберне-совиньоном, но гораздо реже, чем хотелось бы. Он был разборчив в напитках, предпочитал вино самого лучшего качества, но редко мог позволить себе такую роскошь, ведь хорошая бутылка — дорогое удовольствие. К наркотикам Эд был равнодушен:

по его словам, никогда не принимал ничего сильнее аспирина.

Джеффи ему верил. Ему нравилось, что старик никогда не жалуется на судьбу, не ищет оправдания своему статусу, не пытается объяснить, как стал бездомным. Его проблемы — это его личное дело. Казалось, он был бродягой с самого рождения. Кастовый бомж, как сказали бы в Индии прошлого века.

Время от времени Эд заходил к Колтрейнам — по большей части чтобы поговорить о животных и птицах, населявших лесистый каньон. К тому же он неплохо разбирался в истории и любил порассуждать, каким стал бы мир, если бы в прошлом человечество, оказавшись на развилке, выбрало иной путь. Еще Эд интересовался поэзией: знал наизусть множество стихов, от Шекспира и По до японских мастеров хайку. Надолго он не задерживался и никогда не надоедал хозяевам дома — должно быть, потому, что разум у него был весьма кипучий и на долгие разговоры не хватало терпения. Или же Джеффи был для него не самым интересным собеседником.

— Как поживаете, Эд?

— Умираю с того самого дня, когда родился. Так же как вы. И жить мне осталось всего ничего.

Мрачное расположение духа было столь же типично для Эда, как и кустистые седые брови. Их он никогда не подстригал.

— На вид вы бодрячком, — сказал Джеффи. — Надеюсь, не приболели?

— Нет-нет, Джеффри. Не приболел. На меня открыли охоту.

Джеффри. Так его не называл никто, кроме Эда да еще пары-тройки учителей в начальной школе. Несмотря на внушительный рост и завидную мускулатуру, у Джеффи

была одна особенность: окружающие видели в нем вечно-го мальчишку. Потому и «Джеффи»: так в детстве ласково называла его мать. Он не обижался. Ему нравилось быть собой, и он понимал, что никогда не станет кем-то другим. Раз уж тебе подходит имя Джеффи, будешь носить его отныне и во веки вечные, до самой гробовой доски. Нормальное, кстати, имя.

— Открыли охоту? — спросил Джеффи. — Кто?

Эд нахмурился. Роскошные брови сошлись в белоснежную гусеницу, а глубоко посаженные глаза, те и во все утонули в глазницах.

— Лучше вам не знать. Жажда знаний — больше, больше, хочу знать больше, хочу знать все на свете — это прямой путь к гибели. Знание — сила, Джеффри, но чем больше знаешь, тем выше задираешь нос. Перестаешь смотреть под ноги. Смотрите под ноги, Джеффри. Не упивайтесь лишними знаниями, не позволяйте им свести вас в могилу.

— Лишними знаниями я похвастаться не могу, — заверил его Джеффи. — Так что в могилу меня скорее сведет невежество.

Не ответив, Эд подался вперед, вытянул шею и стал похож на выглядывающую из панциря косматую черепаху. Он смотрел на Джеффи так, словно перед ним был не человек, а творение скульптора-авангардиста и Эд никак не мог понять, что хотел сказать автор, изваявший столь причудливую фигуру.

Джеффи не впервые чувствовал на себе этот пристальный взгляд. Он понимал: Эд не продолжит разговора, пока не соберется с силами. Сейчас правильнее всего нацепить улыбку и терпеливо ждать.

Вдалеке, за деревьями, на улице Полых Дубов заунывно гудели автомобильные моторы, — наверное, с похожим

звук какой-нибудь почтенный левиафан отходит в мир иной.

На дубах переухивались любопытные совы.

Наконец Эд откинулся на спинку кресла, но физиономия его оставалась хмурой. Пышные брови все еще належали одна на другую, словно двое совокупляющихся насекомых.

Нагнувшись, Эд поднял с пола картонную коробку. Ее Джеффи до сих пор не замечал. Коробка была квадратная, двенадцать на двенадцать дюймов. В прошлом белая, но теперь грязноватая и пожелтевшая от времени. Крышка сидела как влитая, но для верности коробка была перевязана бечевкой.

Эд взял коробку обеими руками, поставил на колени и уперся в нее взглядом — теперь уже не мрачным, а скорее испуганным. Иногда левая рука его едва заметно дрожала, и теперь подушечки пальцев непроизвольно постукивали по картону.

Вот Эд поднял голову, посмотрел Джеффи в глаза и сказал:

— Здесь ключ.

— Что за ключ? — спросил Джеффи, выдержав должную паузу.

— Ключ ключей.

— Судя по названию, важная штука.

— Нельзя, чтобы ключ попал к ним в лапы.

— К ним? К кому?

— Лучше не знать, — повторил Эд. — В общем, передаю его вам.

Джеффи поднял руки ладонями к собеседнику, изображая вежливый отказ:

— Очень мило с вашей стороны, Эд, но я не могу его принять. У меня уже есть ключ от дома. И ключ от машины.

Других ключей мне не нужно. К тому же, по вашим словам, это не просто ключ, а ключ ключей, и я не знаю, что с ним делать.

— Нет-нет. — Эд схватил коробку и прижал ее к груди. — С ним нельзя ничего делать. Ничего, слышите? Ни в коем случае не открывайте коробку. Никогда, ясно?

Эд всегда был человеком с причудами, но теперь Джеффи видел, что перед ним не просто чудак. Этот человек переступил черту между экстравагантностью и серьезным психическим расстройством.

Дядя Страшила был не страшный. Скорее, странный. Эмити не боялась, что он набросится на нее с бензопилой или тесаком для рубки мяса, — нет, ничего подобного. Не было нужды запирать входную дверь, но когда речь заходит о дочкиной безопасности, папа становится форменным параноиком. Кстати говоря, это выглядит довольно мило. Эмити понимала, что даже сейчас, семь лет спустя, он не до конца справился с потерей жены и побаивался, что потеряет еще и дочь. Наверное, всегда будет опекать ее сверх всякой меры. Даже когда Эмити стукнет сорок, и у них с Джастином Дакотой — вон он, живет через три дома и не знает, что в один прекрасный день сгодится ей в мужья, — будет трое ребятишек, и она будет жить на вершине холма, в шикарном особняке с видом на океан, потому что Джастин к тому времени станет кинозвездой или хай-тек-кудесником (и у тех и у других денег куры не клюют), а Эмити — знаменитой писательницей, и у семейства Дакота будет первостатейная охрана — целая армия телохранителей, — папа каждый вечер будет заходить в гости, чтобы лично проверить, надежно ли закрыты все двери и окна, подоткнуть дочке одеяло и напомнить, что если незнакомец угощает конфетой, от такого незнакомца надо бежать куда подальше. Папа у нее очень хороший, и Эмити любит его всем сердцем, честное слово. Но однаж-

ды, через несколько лет, им предстоит серьезный разговор. Придет пора терпеливо объяснить, что от его заботы уже не продохнуть, да и на отношениях такая гиперопека сказывается не самым лучшим образом. Кстати говоря, потихоньку начинает сказываться. Ведь Эмити уже не одиннадцать. Ей почти двенадцать.

Закрыв дверь на замок и включив свет, она прошла мимо гостиной с глубокими креслами и множеством книжных полок. Эмити с отцом обожали фэнтези. Стены коридора были увешаны постерами в стиле ар-деко: реклама шампанского «Теттенже» и белой ваксы для обуви «Энджелес», фотография автомобиля «плимут» 1934 года, афиша парижского ночного клуба: шоу 1925 года, на сцене Жозефина Беккер. Дальше по коридору — отцовская мастерская, где он наводит лоск на бакелитовые радиоприемники, возвращает этих красавцев к жизни и возится с другими коллекционными вещицами. За мастерской, в глубине дома, — комната Эмити. Там ее ждет Снежок.

На ночь или когда Эмити с отцом уходили в кафе, Снежка запирали в клетке, и вовсе это не жестоко: клетка была просторная, с беговым колесом, а Снежок, крохотная белая мышка, запросто умещался у Эмити на ладони. Снежок был очень воспитанный. Его можно было посадить в карман куртки и взять с собой куда угодно, и он никогда не высовывался на свет, разве что Эмити сама его доставала. Он ни разу не испачкал ей карман — не написал, не накакал, а даже если оплошает, невелика беда: весит Снежок не больше четырех унций, и продуктов жизнедеятельности от такого малютки совсем немного.

Шубка у него белоснежная, глазки чернее чернил, а хвостик светло-розовый. Будь Эмити Золушкой, Снежок оборачивался бы великолепным скакуном, чтобы

возить ее в красивой карете. Вот он какой, Снежок. Настоящий джентльмен, совсем не такой, как домовые мыши, от которых один вред и никакой пользы.

Теперь же, включив телевизор и выбрав диснеевский мультфильм (Эмити смотрела его уже много раз и точно помнила, что в нем нет ни одной кошки), она достала Снежка из клетки. Села в кресло, а Снежок какое-то время бегал у нее по рукам, по плечам, то и дело замирал и смотрел на хозяйку влюбленным взглядом, — по крайней мере, Эмити видела в его горящих глазках безмерное обожание. Наконец он спустился к ней на колени, лег на спинку и впал в экстатический транс, подставив животик под ласковые пальцы Эмити.

Снежок. Первый шаг к собаке.

Эмити хотела собаку, и папа был не против купить ей щенка, но сперва надо понять, способна ли она стать хорошей хозяйкой. Что, если она заведет пса (а собаки, между прочим, живут лет двенадцать, а то и все четырнадцать) и через год поймет, что ей надоело выгуливать беднягу, заниматься с ним, надоело даже брать его с собой в город? Люди меняются, сегодня им подавай одно, а завтра — другое. И еще люди то и дело ранят душу другим живым существам. Если Эмити ранит душу своему псу, она себе этого не простит, возненавидит себя целиком и полностью, раз и навсегда. Это не дело — взять собаку, а потом от нее отвернуться.

В зоомагазине сказали, что Снежок с его лоснящейся шубкой — мышь очень редкой породы, что он проживет года четыре. Из этих четырех прошло уже два, и Снежок до сих пор ей не надоел. Эмити любила его так, как только можно любить мышь, существо без яркой личности и без особенного характера — в отличие от собаки.

Кунц Д.

К 91 Там, где нас нет : роман / Дин Кунц ; пер. с англ. А. Полошака. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 416 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-19746-6

Суавидад-Бич, маленький провинциальный городок в Калифорнии. Джеффри Колтрейн и Эмити, его одиннадцатилетняя дочь, живущие здесь, никак не могут пережить боль утраты — уже без малого как семь лет пропала без вести Мишель, жена Джеффри. Однажды к ним в руки попадает загадочный артефакт неизвестного назначения, так называемый «ключ ключей», и жизнь Джеффри и Эмити меняется кардинально. В дом к ним приходят с обыском, их преследуют странные люди в черном, беда следует за бедой, и, казалось бы, уже никуда не деться... Вот тогда-то и вступает в действие «ключ ключей», открывает отцу и дочери дверь в иной мир, и, главное, они обретают надежду на то, что Мишель найдется.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДИН КУНЦ
ТАМ, ГДЕ НАС НЕТ

Ответственный редактор Александр Етоев
Редактор Елизавета Дворецкая
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Елена Терскова, Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 28.12.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 26. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ABB-28505-01-R